

СУБЪЕКТ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОПРОЕКТА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЫТКИ

Решетникова Г.А.

ИПСУБ «Удмуртский государственный университет»
(Университетская ул., 1, корп. 6, г. Ижевск, Удмуртская республика, 426034)

Ссылка для цитирования: Решетникова Г.А. Субъект принуждения к даче показаний в контексте законопроекта об установлении уголовной ответственности за пытки. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(2):40–46. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-40-46>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Решетникова Гульнара Аликовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ «Удмуртский государственный университет»

Адрес: Университетская ул., 1, корп. 6, г. Ижевск, Удмуртская республика, 426034

Тел.: +7 (341) 291-60-02

E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.04.2022

Статья принята к печати: 14.05.2022

Дата публикации: 10.06.2022

Аннотация: Социальная обусловленность уголовной ответственности за применение пыток очевидна. События, произошедшие в 2021 г. в системе исполнения наказания, послужили поводом для принятия скорых и серьезных мер. Стремление законодателя решить эту социальную проблему, используя уголовно-правовые средства воздействия, заслуживает поддержки при условии соответствия формы выражения уголовно-правового запрета содержанию запрещаемого деяния.

Имеющиеся в законопроекте № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за пытки) предложения, ставят перед теорией, а в случае принятия законопроекта и практикой, ряд вопросов, в частности, о целесообразности включения в ст. 302 УК РФ нового субъекта – «иной сотрудник правоохранительного органа», позволяющее, согласно пояснительной записке, привлекать к уголовной ответственности за пытки сотрудников ФСИН России. В статье на примере указанного субъекта рассматриваются вопросы соответствия признака «иной сотрудник правоохранительного органа» другим объективным и субъективным признакам основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ, их сущности, следовательно, объему криминализации. На этой основе формулируются выводы.

Цель исследования заключается в выявлении допустимости включения в диспозицию нормы ст. 302 УК РФ еще одного субъекта, в способности, с помощью названного изменения решить поставленные в законопроекте задачи.

Цель работы определила решение следующих исследовательских *задач*: анализ приемов, использованных разработчиками законопроекта для криминализации пытки; установление сущностных признаков субъекта принуждения к даче показаний и их взаимообусловленности с иными признаками этого состава преступления; выяснение природы признака «иной сотрудник правоохранительного органа».

При выполнении работы были задействованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные *методы* исследования.

Предпринятое исследование позволило сформулировать некоторые *заключения*: преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, посягает на законность собрания доказательств в части надлежащих субъектов. Учитывая, что каждой стадии уголовного процесса соответствуют свои законодательно установленные участники уголовного судопроизводства с их собственной ролью, характером и направлениями деятельности, и реализуемыми ими функциями, «иной сотрудник правоохранительного органа» к их числу не относится. Происходит подмена понятий, когда процессуальное положение субъекта преступления подменяется должностным положением.

Сформулированные выводы ориентированы на дальнейшую разработку предложений организационно-правового и теоретического характера, формирование механизма уголовно-правового противодействия применению пыток.

Ключевые слова: незаконное физическое воздействие, принуждение, дача показаний, заключение, следователь, лицо, производящее дознание, молчаливое согласие, иной сотрудник правоохранительного органа.

THE SUBJECT OF COMPULSORY TO GIVE STATEMENTS IN THE CONTEXT OF THE BILL ON THE ESTABLISHMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TORTURE

Gulnara A. Reshetnikova

IPSUB "Udmurt State University"

(Universitetskaya str., 1, building 6, Izhevsk, Udmurt Republic, 426034)

Link for citation: Reshetnikova G.A. The subject of compulsory to give statements in the context of the bill on the establishment of criminal responsibility for torture. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(2):40–46. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-40-46>

CONTACT INFORMATION:

Gulnara A. Reshetnikova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of IPSUB "Udmurt State University"

Address: Universitetskaya str., 1, building 6, Izhevsk, Udmurt Republic, 426034

Tel.: +7 (341) 291-60-02

E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 14.04.2022

The article has been accepted for publication: 14.05.2022

Date of publication: 10.06.2022

Annotation: The social conditionality of criminal liability for the use of torture is obvious. The events that took place in 2021 in the penitentiary system gave rise to urgent and serious measures. The desire of the legislator to solve this social problem, using criminal law means of influence, deserves support, provided that the form of expression of the criminal law prohibition corresponds to the content of the prohibited act.

The proposals contained in draft law No. 42307-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" (in terms of establishing criminal liability for torture) put before the theory, and if the bill is adopted and practice, a number of questions, in particular, about the advisability of including in Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation of a new subject – "another law enforcement officer", which, according to the explanatory note, makes it possible to prosecute employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for torture. In the article, using the example of the specified subject, the questions of the correspondence of the sign "another law enforcement officer" to other objective and subjective signs of the main corpus delicti under Part 1 of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, their essence, therefore, the scope of criminalization. On this basis, conclusions are drawn.

The purpose of the study is to identify the admissibility of including in the disposition of the norm of Art. 302 of the Criminal Code of another subject, in the ability, with the help of the named change, to solve the tasks set in the bill.

The purpose of the work determined the solution of the following research tasks: analysis of the methods used by the developers of the bill to criminalize torture; establishing the essential features of the subject of coercion to testify and their interdependence with other features of this *corpus delicti*; clarification of the nature of the sign "another law enforcement officer"; determination of the compliance of the named feature with the content of the direct object of coercion to testify, its adequate use in the norm of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation.

When performing the work, general, general scientific, private scientific and special research methods were used.

The conducted research allowed us to come to the following main result: a crime under Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation encroaches on the procedural procedure for obtaining evidence in a criminal case, bearing in mind the proper subjects for their collection. Considering that each stage of the criminal process has its own legally established participants in criminal proceedings with their own role, nature and activities, and the functions they perform, "another law enforcement officer" is not one of them. There is a substitution of concepts when the procedural position of the subject of the crime is replaced by the official position.

The formulated conclusions are focused on the further development of proposals of an organizational, legal and theoretical nature, the formation of a mechanism for criminal law counteraction to the use of torture.

Keywords: illegal physical influence, coercion, giving evidence, conclusion, investigator, person conducting an inquiry, tacit consent, other law enforcement officer.

Введение

Законопроектом № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за пытки), внесенным в декабре 2021 г. в Государственную Думу РФ предлагается расширить круг субъектов принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ). Вместе со следователем и лицом, производящим дознание, в проекте называется иной сотрудник правоохранительного органа. Таким образом, в новой редакции ст. 302 УК РФ «другое лицо» совершает это преступление, не только с ведома либо молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, но и иного сотрудника правоохранительного органа¹. Комментариев по этому предложению не содержится ни в отзыве Верховного Суда РФ, ни в заключении комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству (далее профильный комитет). В пояснительной записке к законопроекту указано, что им, например, может быть сотрудник ФСИН России, что предсказуемо. События, произошедшие в 2021 г. в системе исполнения наказания, согласно пояснениям субъектов законодательной инициативы, послужили причиной для принятия таких серьезных мер².

Проблема применения пыток существует не только в России, она имеется и в других иностранных государствах, например, в США [11, с. 415; 12, с. 823]. Опасность пытки заключается в том, что ее оправдание нередко объясняется государственными интересами [4, с. 13; 10, с. 572; 14, с. 38–40]. Это подрывает авторитет правоохранительной системы любого государства, становится причиной негативного к ней отношения со стороны всего общества³ [13, с. 397].

Элементарная оценка социальных и юридико-криминологических оснований едва ли дает повод для сомнений в необходимости уголовной ответственности за применение пыток. Этой же целью продиктованы и предлагаемые изменения. Как отмечают авторы законопроекта, настоящий проект федерального закона направлен на модернизацию положений Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за пытки⁴. Содержание изменений показывает, что они не расширяют и не сужают сферу уголовно-правовой репрессии, усиление

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [текст: электронный]. Доступно: URL: <file:///C:/Users/QWER/Downloads/207901436-207902453.pdf>.

² См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [текст: электронный]. Доступно: URL: <file:///C:/Users/QWER/Downloads/207901436-207902453.pdf>.

³ Там же.

⁴ Там же.

уголовной ответственности и наказания за применение пытки происходит за счет ранее криминализованных деяний. Интенсивность криминализации реализуется путем выделения квалифицированных составов [6, с. 62]. Так, деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением пытки, содержится в ч. 3 ст. 302 УК РФ¹. Это значит, что квалификация по этой части возможна, если в деянии лица имеются все признаки основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ.

Методы исследования

В работе были использованы общие, общенаучные, частно-научные и специальные методы исследования. В частности, с помощью общего метода – обобщения, удалось сформулировать выводы в качестве промежуточных и итоговых результатов. Например, в качестве промежуточного результата был сформулирован вывод о том, что в поисках компромисса, законодатель в 2003 г., предусматривая Федеральным законом № 162-ФЗ уголовную ответственность за принуждение к даче показаний все же попытался сохранить процессуальный характер охраняемых правоотношений.

В процессе исследования среди общенаучных методов были использованы диалектический и логический методы исследования. Применявшиеся приемы, такие как, анализ, синтез, индукция и дедукция позволили выяснить и показать, в частности, то, что и потерпевшие, и субъекты преступления по ст. 302 УК РФ подразумевают лиц, принимающих участие в уголовном процессе. Анализ УПК РФ в совокупности с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позволил установить, что сотрудник ФСИН России не обладает необходимым процессуальным статусом для осуществления, процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 302 УК РФ.

Социологический метод исследования использовался для уяснения социальной обусловленности уголовной ответственности за пытки. Формально-юридический метод исследования применялся для установления подлинного смысла нормы ст. 303 УК РФ и оценки ее качества.

Результаты исследования

1. Предлагаемые законопроектом изменения Уголовного кодекса РФ в части установления уголовной ответственности за пытки не расширяют и не сужают сферу уголовно-правовой репрессии, усиление уголовной ответственности и наказания за применение пытки происходит за счет ранее криминализованных деяний. Интенсивность криминализации реализуется путем выделения квалифицированных составов преступлений.

2. Названные в диспозиции нормы ст. 302 УК РФ участники уголовного судопроизводства и совершаемые ими процессуальные действия определяют стадии уголовного процесса, следовательно, пределы совершения, предусмотренных этой статьей преступных деяний.

3. Уголовный закон в ст. 302 УК РФ указывает исключительно на лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства.

4. Включение в диспозицию нормы ст. 302 УК РФ «иной сотрудник правоохранительного органа» не ограничивает совершение рассматриваемого преступления какими-либо стадиями уголовного судопроизводства, то есть вообще не имеет к ним какого-либо отношения.

5. Преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, посягает на процессуальный порядок получения доказательств по уголовному делу, включая надлежащих субъектов по их собиранию. В этом заключается специальный характер нормы, указанной статьи, при ее применении, предусматривающий, специальные правила квалификации, закрепленные в ч. 3 ст. 17 УК РФ.

6. Учитывая, что каждой стадии уголовного процесса соответствуют свои законодательно установленные участники уголовного судопроизводства с их собственной ролью, характером и направлениями деятельности, и реализуемыми ими функциями, «иной сотрудник правоохранительного органа» к их числу не относится. Происходит подмена понятий, когда процессуальное положение субъекта преступления подменяется должностным положением.

Научная дискуссия

Вопрос о субъекте преступления, квалифицируемого по ст. 302 УК РФ непростой. Споры ведутся не столько по поводу, используемого в диспозиции признака «лицо, производящее дознание», предполагающего не должностное, а процессуальное положение лица [1, с. 359] с вытекающими отсюда правовыми последствиями, сколько вокруг такого понятия, как другое лицо, совершающее это преступление с ведома следователя или лица, производящего дознание, либо с их молчаливого согласия. В научной литературе идет дискуссия о том, является ли это лицо общим или

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [текст: электронный]. Доступно: URL: file:///C:/Users/QWER/Downloads/207901436-207902453.pdf.

специальным субъектом? Так, если автором, другое лицо признается общим субъектом, его исследование, затрагивает вопросы соучастия со специальным субъектом и специальные вопросы ответственности соучастников [3, с. 204]. Поскольку по смыслу ч. 4 ст. 34 УК РФ, лицо, не являясь специальным субъектом преступления, но при этом участвовавшее в его совершении, может выступать как организатор, подстрекатель или пособник.

В случае если «другое лицо» признается специальным субъектом, приобретение этого статуса, по мнению авторов, обуславливается фактом обязательного одобрения его действий следователем [8, с. 40] или лицом, производящим дознание. Например, «заручившись» поддержкой Р.Р. Галиакбарова, В. Панкратов отмечает, что в рассматриваемом случае имеется необходимое соучастие [8, с. 40], «когда законодатель сформулировал составы, в которых проявление собственно соучастия выступает в качестве необходимых, конструктивных признаков конкретных составов».

В судебной практике принуждение к даче показаний, совершаемое «другим лицом» с ведома или с молчаливого согласия лица, в чьем производстве находится расследуемое дело, необязательно (во всех случаях) образует соучастие¹.

Мы не ставили задачи разобраться в вопросах квалификации участия «другого лица» в совершении рассматриваемого преступления. Постановка этих проблем, скорее, иллюстрация неудачного дополнения в 2003 г. Федеральным законом № 162-ФЗ нормы ст. 302 УК РФ этим субъектом², продиктованных теми же соображениями, что и в рассматриваемом законопроекте. Косвенным доказательством этому является дополнение названным законом ст. 117 УК РФ примечанием с определением «пытка»³. Думаем, что дополнение субъектов принуждения к даче показаний другим лицом, было связано также с отсутствием, в частности, у сотрудника ФСИН необходимого процессуального статуса, о чем убедительно свидетельствуют положения уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴. Согласно ряду положений уголовно-процессуального закона (в частности, п. 1 ч. 1 ст. 40, 146, п. 3 ст. 149, 157 УПК РФ) органам дознания, к которым относятся и должностные лица ФСИН выполняют ряд процессуальных действий, включая неотложные следственные. Но вот предварительное расследование органы ФСИН не проводят (ст. 151 УПК РФ). Н. Митин отмечает «усеченность» полномочий органов ФСИН [7, с. 60].

Желание законодателя не допускать совершение преступления, указанного в ст. 302 УК РФ понятно. Хорошо известно, что стремление следователя или лица, производящего дознание благополучно окончить расследование, находящегося в его производстве дела, нередко становится основной причиной незаконных способов собирания доказательств, в использовании для этого, как правило, работников оперативных служб. Хотя, разумеется, не только их, поскольку буквальное толкование признака «другое лицо» предполагает возможность совершения этого преступления любым другим вменяемым физическим лицом, достигшим возраста, установленного УК РФ. Тем не менее, в поисках компромисса законодатель в 2003 г. все же с помощью конструкции «с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание» попытался сохранить процессуальный характер охраняемых правоотношений. Сохраняется ли такая позиция в рассматриваемом законопроекте? Посмотрим далее.

В заключении профильного комитета по законопроекту № 42307-8 отмечается, что включение осужденного в перечень лиц, принуждаемых к даче показаний, признается излишним, потому что согласно ст. 46 УПК РФ осужденным считается обвиняемый в отношении которого вынесен обвинительный приговор суда, тогда как в уголовно-правовом смысле показания могут давать лишь лица в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства⁵.

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 12-О12-5 от 16 февраля 2012 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08 декабря 2003 года № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Там же.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2022 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁵ Заключение комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [сайт]. СОЗД ГАС «Законотворчество»; 2022. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8>.

Включение в перечень потерпевших лиц, например, подсудимого, предлагалось в научной литературе и для действующей редакции ст. 302 УК РФ¹ [2, с. 24]. Противники такого предложения считают это не целесообразным, аргументируя свою позицию смыслом ч. 2 ст. 47 УПК РФ, видя в обвиняемом того же подсудимого, осужденного или оправданного [3, с. 202]. Думаем, что здесь нужны другие доводы. Названные в диспозиции, рассматриваемой уголовно-правовой нормы участники уголовного судопроизводства и совершаемые ими процессуальные действия предопределяют стадии уголовного процесса, следовательно, пределы совершения, предусмотренных ст. 302 УК РФ преступных деяний. В этой связи реплика профильного комитета не учитывает того, что включение в диспозицию нормы ст. 302 УК РФ «иной сотрудник правоохранительного органа» не ограничивает совершение этого преступления какими-либо стадиями уголовного судопроизводства, как это сделано в действующей редакции ст. 302 УК РФ – стадиями досудебного производства. Точнее, «иной сотрудник правоохранительного органа» вообще не имеет к стадиям уголовного судопроизводства какого-либо отношения. Этот вывод вытекает из основной сути позиции профильного комитета: потерпевшие, а также лица, совершающие преступления по ст. 302 УК РФ – это лица, принимающие участие в уголовном деле. Имеется такая позиция и в научной литературе [5, с. 87].

Действия, предусмотренные диспозицией ст. 302 УК РФ, имеют целью получение доказательств по делу. Полагаем, что эти действия не следует ограничивать принуждением к даче показаний или к даче заключения исключительно в ходе допроса. Это вполне могут быть и другие следственные действия. Это обстоятельство позволяет согласиться с мнением о том, что данное преступление (ст. 302 УК РФ) объектом посягательства имеет установленный законом порядок получения доказательств по делу, включая субъектов их получения [9, с. 41]. В этом заключается специальная характеристика нормы, указанной статьи, при ее применении, предусматривающий специальные правила квалификации, закрепленные в ч. 3 ст. 17 УК РФ. И подтверждение тому находим в судебной практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая изменила приговор, признав норму ст. 302 УК РФ специальной нормой, а норму ст. 286 УК РФ общей нормой². В другом деле, Президиум Верховного Суда РФ приговор отменил и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления учитывая, что задержанный по подозрению в преступлении, в отношении которого осуществлялись преступные действия по принуждению к даче показаний, не был в установленном законом порядке признан подозреваемым, следовательно, не мог выступать участником уголовного судопроизводства (потерпевшим)³.

Учитывая, что каждой стадии уголовного процесса соответствуют свои законодательно установленные участники уголовного судопроизводства с их собственной ролью, характером и направлениями деятельности, и реализуемыми ими функциями, «иной сотрудник правоохранительного органа» к их числу не относится. В этой связи, каким образом, иной сотрудник правоохранительного органа, не наделенный в соответствии с нормами УПК РФ необходимым процессуальным статусом, может осуществлять предполагаемые ч. 1 ст. 302 УК РФ процессуальные действия? К тому же, в свете предполагаемых изменений, без ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание. Происходит подмена понятий, когда процессуальное положение субъекта преступления подменяется должностным положением, однако в рассматриваемой нами уголовно-правовой норме, должно быть в точности до наоборот.

Список использованной литературы:

1. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия: монография. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект; 2008.
2. Васильева А.М., Васильева Н.А. Признание вины под принуждением. *Администратор суда*. 2012;(2):23–27.
3. Гаг И.А. Некоторые проблемы диспозиции принуждения к даче показаний. *Вестник*

References:

1. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. [*Handbook of the judge: crimes against justice*]. М.: ТК Velby, Prospekt Publishing House; 2008. (In Russ.)]
2. Vasil'eva A.M., Vasil'eva N.A. [Confession of guilt under duress]. *Administrator suda = Court Administrator*. 2012;(2):23–27. (In Russ.)]
3. Gaag I.A. [Some problems of the disposition of coercion to testify]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta =*

¹ Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 17.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 25 октября 2000 года [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022. Доступно: <https://vsrf.ru/files/10738/>.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2001 года [сайт]. Верховный Суд Российской Федерации; 2022. Доступно: <https://vsrf.ru/documents/practice/15044/>.

Кемеровского гос. ун-та. 2015;(4–2(64)):201–204.

4. Дворянсков И. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона. *Уголовное право.* 2005;(1):13–15.

5. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации незаконного понуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ). *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2015;4(34):86–90.

6. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та; 1987.

7. Митин Н. Рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях в учреждениях и органах ФСИН. *Законность.* 2013;(6(994)):57–60.

8. Панкратов В. Ответственность за пытку в уголовном законодательстве Российской Федерации. *Уголовное право.* 2005;(4):38–40.

9. Попов Н., Попова Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 302 УК. *Уголовное право.* 2005;(4):41–44.

10. Чуксина В.В. Предупреждение пыток и связанных с ними видов практики с позиции прав человека. *Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права.* 2015;9(3):571–583.

11. Conley A. Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement Under International Law. *Vienna Journal on International Constitutional Law.* 2013;7(4):415–453.

DOI: <https://doi.org/10.1515/icl-2013-0402>.

12. Luban D., Shue H. Mental Torture: A Critique of Erasures in U.S. Law. *Georgetown Law Journal.* 2012;(100):823–863.

URL: <https://ssrn.com/abstract=1797806>.

13. Weitzer R. Incidents of police misconduct and public opinion. *Journal of Criminal Justice.* 2002;(30,5):397–408. URL: <https://ssrn.com/abstract=2051480>.

14. Westley W. Violence and the Police. *American Journal of Sociology.* 1953;(59):34–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Решетникова Гульнара Аликовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ИПСУБ «Удмуртский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0126-6981>

Bulletin of the Kemerovo State University. 2015;(4–2(64)):201–204. (In Russ.)]

4. Dvoryanskov I. [Punishment or torture: the paradox of the criminal law]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2005;(1):13–15. (In Russ.)]

5. Epikhin A.Yu. [Cross-sectoral problems of qualification of illegal coercion to testify (Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice.* 2015;4(34):86–90. (In Russ.)]

6. Korobeev A.I. [Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization]. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta; 1987. (In Russ.)]

7. Mitin N. [Consideration and resolution of reports of crimes in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service]. *Zakonnost' = Legality.* 2013;(6(994)):57–60. (In Russ.)]

8. Pankratov V. [Responsibility for torture in the criminal legislation of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2005;(4):38–40. (In Russ.)]

9. Popov N., Popova L. [Object of the crime under Art. 302 of the Criminal Code]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2005;(4):41–44. (In Russ.)]

10. Chuksina V.V. [Prevention of torture and related practices from a human rights perspective]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gos. un-ta ehkonomiki i prava = Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law.* 2015;9(3):571–583. (In Russ.)]

11. Conley A. Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement Under International Law. *Vienna Journal on International Constitutional Law.* 2013;7(4):415–453.

DOI: <https://doi.org/10.1515/icl-2013-0402>.

12. Luban D., Shue H. Mental Torture: A Critique of Erasures in U.S. Law. *Georgetown Law Journal.* 2012;(100):823–863.

URL: <https://ssrn.com/abstract=1797806>.

13. Weitzer R. Incidents of police misconduct and public opinion. *Journal of Criminal Justice.* 2002;(30,5):397–408. URL: <https://ssrn.com/abstract=2051480>.

14. Westley W. Violence and the Police. *American Journal of Sociology.* 1953;(59):34–41.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulnara A. Reshetnikova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of IPSUB "Udmurt State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0126-6981>